



¹³ См.: Лукинова Т. Лексика славянского язычества // Этимология. 1984. М., 1986; Меркулова В. Славянское *žab-; прасл. *žarogъjъ 'высокий' // Этимология. М., 1963; Судник Т., Цивьян Т. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе // Структура текста. М., 1980; Толстой Н. Славянская географическая терминология. М., 1969; Piškur M. Pomenska analiza besede baba // Jezik in slovstvo Ö. 1965. № 1.

¹⁴ Цыхун Г. К реконструкции праславянской метафоры // Этимология. 1984. М., 1986. С. 214.

¹⁵ См.: Колесов В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

¹⁶ Гиндин Л. Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Колесов В. Концепт культуры : образ – понятие – символ // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3. № 16. С. 37.

УДК 811.161.1'37

РОЛЬ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ» В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ИДИОМАТИКИ

К. Х. Наджим

Саратовский государственный университет
E-mail: kasim_hammad@yahoo.com

В статье анализируется степень продуктивности использования номинаций головных уборов в русской идиоматике. Выявляются основные принципы мотивации семантики фразеологизмов значениями лексем данного типа.

Ключевые слова: тематическая группа, русская идиоматика, семантика фразеологизма.

The Role of the Thematic Group «Hats» in the Formation of Russian Idiomatic System

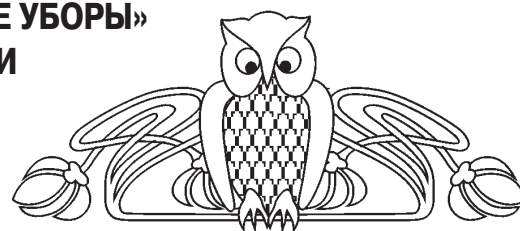
К. Н. Najim

The article analyzes the degree of how productively the headwear nominations are used in Russian idiomatic system. The main principles of motivation of semantics of phraseological units by meanings of lexemes of this type have been identified.

Key words: thematic group, russian idiomatic system, semantics of phraseological units.

По мнению большинства современных исследователей¹, предмет традиционной идиоматики должен быть существенно расширен в связи с общим антропологическим подходом к языку. Более того, именно фразеологический корпус является «благоприятным материалом» для лингвокогнитивного, лингвокультурологического анализа, «поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры»².

В частности, большое внимание уделяется проблеме формирования семантики, соотношению актуального и этимологического значения, или внутренней формы, фразеологических единиц (далее – ФЕ): «...получаемая извне информация и хранимая в памяти в виде фразеологического значения представлена в виде разветвленной об-



разной системы, хранимой в виде моделей, контуров и очертаний, которые при необходимости обрабатываются языковым сознанием на основе выработанных в процессе познания ассоциативных схем мышления. Образные ассоциации являются неотъемлемыми элементами мышления на всех уровнях формирования фразеологического значения»³. С этой точки зрения нам показалось интересным проследить роль тематической группы (далее – ТГ) «Головные уборы» в формировании системы русских ФЕ.

Как показал анализ толковых, идеографических и фразеологических словарей русского языка⁴, члены ТГ «Головные уборы» достаточно активно используются во внутренней форме русских ФЕ (59 единиц). Это вполне закономерно, поскольку данная группа называет один из важнейших и постоянно используемых человеком видов артефактов, а идиоматика, как отмечают исследователи, является одним из ключевых способов отражения той части «внеязыкового мира, “предметы” которой оказываются духовно значимыми (для того или иного этноязыкового коллектива) ценностями, вербализованными» посредством ФЕ⁵.

В целом ТГ «Головные уборы» включает 123 лексические единицы, противопоставленные по ряду дифференциальных признаков:

- ‘артефакт в целом/часть артефакта’ (ср.: *фуражка, колпак – козырек, вуаль, фата*);
- ‘гендерное назначение артефакта (мужской, женский, детский)’ (ср.: *кепка* ‘мужской мягкий головной убор с козырьком’; *торбан* ‘высокая нарядная женская шляпа, похожая на высокий восточный убор’);
- ‘время бытования артефакта’ (ср.: *повойник* ‘старинный головной убор русских замужних крестьянок’);
- ‘место распространения артефакта’ (ср.: *сомбреро* ‘в Испании и странах Латинской Америки: легкая широкополая шляпа’);



- ‘социальное/профессиональное/этикетное назначение артефакта; иерархическая функция’ (ср.: *малахай* ‘старинный крестьянский головной убор’; флердоранж ‘принадлежность головного убора невесты в виде белых искусственных цветов’; *венец* ‘корона как символ власти монарха’);

- ‘конкретные денотативные признаки артефакта’ (размеры и протяженность артефакта по горизонтали и вертикали; форма артефакта наличие/отсутствие полей; ширина полей; мягкая/жесткая основа артефакта; используемый материал; расположение артефакта на голове; дополнительные детали артефакта и др.) (ср.: *наколка* ‘кружевной или шелковый платок, собранный в виде маленькой шапочки, закрывающей женскую прическу на верхней части головы’).

Следует отметить, что далеко не все члены ТГ «Головные уборы» используются в составе фразеологических единиц. Можно выявить определенные тенденции в степени продуктивности идиоматизации конкретных лексических единиц.

Так, практически не используются в составе ФЕ номинации современных и старинных, устаревших иностранных головных уборов, экзотических для России прошлого и настоящего (ср.: *сомбреро, мантилья, тубетейка, торбан, феска, чалма*). Это же свойственно большинству номинаций старинных и устаревших головных уборов, распространенных среди как крестьянского населения, так и дворянства (ср.: *боливар, шлык, кичка, шапокляк*). Почти не фиксируются во внутренней форме ФЕ форменных головных уборов специального назначения (ср.: *бескозырка, буденовка, конфедератка, подшлемник*).

Напротив, активно участвуют в процессе формирования ФЕ те члены ТГ, которые обобщенно называют головные уборы, распространенные среди русского населения как в прошлом, так и в настоящем – без конкретизации по одному из указанных дифференциальных признаков.

Так, наиболее востребованным в идиоматике оказывается лексема *шапка* ‘головной убор (преимущественно теплый, мягкий)’ и ее словообразовательные дериваты: *шапочка, шапочный, шапочно* – 29 ФЕ (ср.: *дать по шапке; наложить по шапке; получить по шапке; заломить шапку; к шапочному разбору; пускать шапку по кругу*), причем семантика данных единиц весьма разнообразна.

В основе части из них лежит метонимическое (с синекдохой) по сути социально-личностное обобщение этикетных, ритуальных, символических действий с данным головным убором в разных типах ситуаций.

Например: **Шапку ломать перед кем-л.** (*разг.*) ‘униженно, заискивающе кланяться’ (первоначальное значение ‘приветствовать с поклоном и снятием головного убора в знак уважения младшим старшего или низшим по чину, социальному положению – высшего’). *Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами*. Бабель; **Пускать / пу-**

стить шапку по кругу (*народн.*) ‘оказать кому-л. материальную помощь всей общиной, деревней, какой-л. сплоченной группой людей’; ‘просить о такой помощи’ (первоначально каждый член деревенской общины клал в шапку столько денег, сколько мог). *На свои доходы журналистская братия даже семью с трудом содержит. Об издании собственной газеты вообще говорить нечего. Даже если пустить шапку по кругу, все равно ничего не выйдет*. Корпус Публ.; **Шапочное знакомство** (*разг.*) ‘знакомство, лишенное всякой близости’ (при встрече мужчины обычно раскланиваются и приподнимают (снимают) головной убор; если их общение ограничивается только этим, то, значит, их отношения нельзя назвать близкими, дружескими). *Наше знакомство было шапочным*; **Шапками закидаем** (*разг. фам.*) ‘выражение развязного самохвальства по отношению к противнику, означающее уверенность в том, что противника очень легко одолеть’ (первоначально выражение воспринималось совершенно серьезно для обозначения численного превосходства над противником; возможно, что оборот связан с переговорами перед кулачным боем, когда противники таким жестом пытались раззадорить друг друга). *Сами с усами, лаптем щи хлебаем, шапками закидаем*. Поговорка.

В других случаях в основе внутренней формы лежат культурно-исторические реалии, прецедентные тексты. В этом случае формирование семантики ФЕ связано с метонимическим (с синекдохой) расширительным восприятием исходной ситуации или явления, а также с их метафорическим осмыслением.

Например: **Тяжела ты, шапка Мономаха!** (*шутл.*) ‘о тяжелом бремени обязанностей, сопряженных с высоким постом и большой ответственностью’ (заключительные слова сцены «Царские палаты» из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»; шапка Мономаха – головной убор, которым венчались на царство московские цари. В драме А. С. Пушкина выражение получило метафорический смысл «трудно управлять государством»); **Красная Шапочка** (*часто шутл.*) ‘о храбрости и добром ребенке’ (по имени персонажа из сказки Ш. Перро – храброй девочки, идущей через лес навестить больную бабушку и не испугавшейся Волка).

Вторым по частотности включения в состав фразеологизмов является лексема *шляпа* – 8 ФЕ (ср.: *снимать шляпу перед кем-л.; дело в шляпе*). Хотя данная лексическая единица и является заимствованной, но она обозначает весьма распространенный в России с XVI в. головной убор ‘головной убор, обычно с высокой тульей и с полями’. Семантика фразеологизмов, включающих во внутреннюю форму эту единицу, тоже достаточно разнообразна.

Часть ФЕ, как и в предыдущем случае базируется на расширительном осмыслении ситу-



ации этикетного, ритуального, символического характера.

Например: **Дело в шляпе** (разг.) ‘успешно сделано, готово’ (во второй половине XVII в. распространилось гнусное обыкновение должностных лиц, разбиравших судебные дела, брать взятки, которые чаще всего клали в головной убор). *По его довольному лицу сразу было видно, что дело в шляпе; Снять шляпу перед кем/чем-л.* ‘выразить чувство глубокого почтения, удовлетворения’.

Но в данном случае можно отметить регулярность воздействия на формирование семантики ФЕ прагматической (социально-культурной) зоны значения лексемы. Сам референт шляпа, в отличие от шапки, – головной убор, который по преимуществу носили представители привилегированных классов и сословий (среди простых крестьян и рабочих шляпы были не в ходу). В XX в., в советскую эпоху, этот головной убор стал характерной приметой внешнего вида интеллигента и устойчиво ассоциировался с ним. Именно эта метонимическая в своей основе деталь ложится в основу мотивации семантики основной части ФЕ с лексемой *шляпа*. Например: **А еще в шляпе!** (прост. шутл.) ‘насмешливый возглас в адрес того, на ком надета шляпа, или в адрес интеллигента’. *Пьет! А еще в шляпе, а еще интеллигент называется!* Худ. тексты. Инт.; **Без портков (портков, штанов), а в шляпе** (насмешл. сниж.-разг.) ‘о том, кто пытается придать себе солидный вид, важничает или занимает должность, не имея влияния, будучи неимущим или несолидным человеком’. *Ванька – секретарь Совета? Ну и ну, без портков, а в шляпе! Не могли найти человека посерьезней.* Корп. уст. р.

Остальные члены ТГ «Головные уборы» фиксируются в составе фразеологизмов значительно реже (от одного до пяти ФЕ). Это преимущественно номинации головных уборов и их частей (с рядом денотативных дифференциальных признаков), употребление которых обычно ограничено:

- в гендерном отношении (ср. *платок* ‘изделие, обычно квадратное, из ткани или вязаное, надеваемое (преимущественно женщинами) на голову, плечи’; *вуаль* ‘тонкая сетка или прозрачная ткань, прикрепляемая к женской шляпе и закрывающая лицо’; *кепка* ‘мужской мягкий головной убор с козырьком’);

- в профессиональном, социальном, ритуальном, временном отношении (ср.: *каска* ‘жесткий защитный головной убор в форме шлема’; *забрало* ‘в старинном вооружении: часть шлема, опускаемая на лицо’; *венец* ‘в церковном обряде венчания: головное украшение в виде короны, которое шаферы держат над головами вступающих в брак’).

Формирование семантики фразеологизмов с данными лексемами обычно связано с одним из возможных принципов.

Во-первых, семантика членов ТГ «Головные уборы» может практически не изменяться, а

идиоматизация связана с расширительным (по принципу синекдохи и метонимии) восприятием какого-либо головного убора, конкретизированного с помощью зависимого члена словосочетания в том или ином денотативном плане. Это преимущественно терминологические или близкие к ним фразеологические сочетания, называющие профессиональные, социальные группы людей по обязательному для этой группы головному убору. Например: **Голубые, черные, красные береты** ‘о воинских подразделениях особого назначения разных стран (десантных, штурмовых, диверсионных и др.)’.

Во-вторых, семантика номинации головного убора в ФЕ может также не изменяться, но формирование семантики фразеологизма связано с расширительным осмыслением ситуации, в которой используется данный головной убор. Тем самым концептуальному осмыслению по метонимическому принципу подвергается вся исходная ситуация, а наименование головного убора воспринимается как синекдоха. Например: **Пойти под венец** ‘вступить в брак’; **Брать под козырек I** (разг.) ‘отдавать честь по-военному, приложив руку с вытянутыми пальцами к козырьку’.

В-третьих, формирование семантики ФЕ может быть связано с метафорическим осмыслением ситуации, в которой используется головной убор или его часть. Сама исследуемая лексема в этом случае обычно также воспринимается как синекдоха, однако ее семантика осложняется рядом ассоциаций ритуального, символического, культурно-исторического характера. Именно поэтому концептуальная роль исследуемых лексических единиц в ФЕ такого рода наиболее значима. Например: **Терновый венец** (поэт., ритор.) *перен.* ‘символ мученичества, страдания’ (по евангельскому сказанию о терновом, колючем венке, надетом на Иисуса Христа воинами перед его казнью). *И прежний сняв венок, они венец терновый,/увитый лаврами, надели на него,/но иглы тайные сурово/язвили славное чело.* Лермонтов; **Выступает с открытым (поднятым) забралом** (книжн.) ‘о том, кто действует прямо, открыто’.

Показательно, что в ряде случаев такое метафорическое осмысление ситуации происходит в рамках производных ЛСВ одного многозначного фразеологизма. Например: **Брать под козырек II** (разг. ирон.) ‘выражать беспрекословное согласие, послушно соглашаться’.

Таким образом, можно констатировать, что ТГ «Головные уборы» достаточно активно вовлекается в процесс идиоматизации, однако роль разных погрупп и конкретных членов исследуемой ТГ в данном процессе далеко не одинакова. Кроме того, степень концептуальной значимости семантики используемых лексических единиц в мотивации семантики фразеологизмов различна. Поэтому, как нам кажется, неправомерной является точка зрения ряда исследователей, согласно которой в языке существуют самостоятельная, не



зависимая от общезыковой, фразеологическая картина мира и самостоятельные фразеологические концепты⁶.

Примечания

- ¹ См.: *Алефиренко Н.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008 ; *Арутюнова Н.* Язык и мир человека. М., 1998 ; *Баранов А., Добровольский Д.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008 ; *Добрыднева Е.* Современная русская фразеология : категориальные признаки и коммуникационные сходства. Волгоград, 1998 ; *Телия В.* Русская фразеология. М., 1996.
- ² *Телия В.* Указ. соч. С. 9.
- ³ *Алефиренко Н.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. С. 25.
- ⁴ См.: *Алефиренко Н., Золотых Л.* Фразеологический словарь : Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М., 2008 ; *Бирих А.* Русская

фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005 ; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М., 2006 ; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена, 2004 ; Русский семантический словарь : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998–2007 ; Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007 ; Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 ; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1978 ; Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.

- ⁵ *Алефиренко Н.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. С. 5.
- ⁶ См.: *Алефиренко Н.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002 ; *Болдырев Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

УДК 811.161.1'37+811.162.1'37

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИДИОМАТИКИ

К. Д. Наумов

Саратовский государственный университет
E-mail: klimenty@inbox.ru

В статье анализируется состав русской и польской идиоматики с точки зрения использования в ней членов семантического поля «Славянское язычество». Выявлены основные тематические группы, активно включающиеся в идиоматику. Установлено общее и различное в идиоматизации славянских сакральных представлений в русских и польских фразеологизмах.

Ключевые слова: идиоматика, русский и польский язык, славянское язычество, концептуализация.

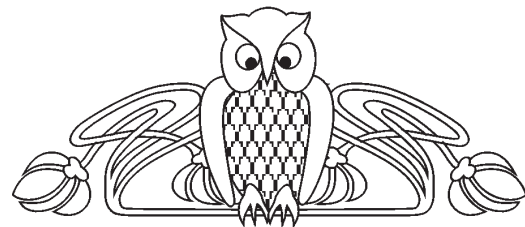
Slavic Paganism as a Source of Russian and Polish Idiomatic Systems Formation

K. D. Naumov

The article deals with the content of Russian and Polish idiomatic systems from the point of view of the semantic field «Slavic paganism» elements being used in them. The main thematic groups included in the idiomatic systems are singled out. Similarities and differences in the idiomatization of Slavic sacral ideas in Russian and Polish phraseological units have been identified.

Key words: idiomatic system, Russian and Polish languages, Slavic paganism, conceptualization.

Большинство современных лингвистов¹ рассматривают идиоматику одним из основных способов отражения языковой картины мира: «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей”



для кумуляции мировидения данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях»². Ряд исследователей считает возможным даже говорить о самостоятельной фразеологической картине мира, в которой получают отражение как общечеловеческие (универсальные), так и национально специфические элементы, связанные с интерпретацией фактов и явлений действительности в соответствии с конкретными особенностями культурно-исторического развития народа³. Вследствие этого актуальным представляется сопоставительное изучение фразеологических комплексов, отражающих определенную концептуально и лингвокультурологически значимую сферу, в разных языках. Языческие сакральные воззрения, безусловно, относятся к таким областям.

Сложение и расцвет славянской языческой мифологии, по мнению исследователей, приходится на конец I тысячелетия до н.э. и IX – X вв. н. э., причем изначально между мифами восточных и западных славян были существенные различия, хотя в целом славянская мифологическая система является ответвлением древней индоевропейской мифологии⁴. Поскольку мифы древних славян охватывают всю сферу духовной и частично материальной культуры, фразеологические единицы (далее – ФЕ), источником которых послужила эта мифология, наиболее полно отражают традиционную картину мира этносов.